Научная статья

УДК [821.161.1:7.03]:808.1Блок, Пригов

ББК 83.3(2=Рус)6

III 65

DOI: 10.53598/2410-3489-2021-3-282-151-159

А. Блок и Д. Пригов: ангелы и демоны

(Рецензирована)

Неля Магомедовна Шишхова¹, Кирилл Николаевич Анкудинов²

^{1,2}Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия,

¹sessvetla@mail.ru

²ankudinovkirill@rambler.ru

Аннотация.

В статье анализируется интеграция художественной практики А. Блока в постмодернистскую традицию, в частности, творчество Д. Пригова, где эта практика становится способом мотивировки поэтического знака. Обсуждается актуальная для истории русской литературы проблема: что стало с постмодерном как языком описания эпохи в XXI столетии, как он связан с предыдущей поэзией. Проблема демонологии и ее решения позволяют контекстуализировать модели выразительности и выделить основные парадигмы в стихотворениях двух названных поэтов. Отдельное внимание уделяется оппозиционной паре «ангелы и демоны», ее месту в пространстве стиха у А. Блока и новаторскому отношению к рассматриваемой проблеме Д. Пригова.

Ключевые слова:

ангелы, демоны, деконструкция, контекст, монстр, монструозность, постмодернизм

Original Research Paper

A. Blok and D. Prigov: Angels and Demons

Nelya M. Shishkhova¹, Kirill N. Ankudinov²

^{1,2} Adyghe State University, Maykop, Russia

¹sessvetla@mail.ru

²ankudinovkirill@rambler.ru

Abstract.

The article analyzes the integration of A. Blok's artistic practice into the postmodern tradition, in particular, the work of D. Prigov, where this practice becomes a way of motivating a poetic sign. The authors discuss a problem relevant to the history of Russian literature: what has become with postmodern as the language of description of the era in the 21st century, how it is associated with previous poetry. The specifics of demonology and its solutions make it possible to contextualize models of expressiveness and highlight the main paradigms in the poems of the two named poets. Special attention is paid to the opposition pair of "angels and demons", its place in the verse space of A. Blok and an innovative attitude to the problem under consideration of D. Prigov.

Keywords:

Angels, demons, deconstruction, context, monster, monstrousness, postmodernism

Цели и задачи:

В творчестве поэта-концептуалиста Д. А. Пригова образ Александра Блока, казалось бы, занимает не слишком большое место. Он не входит в число сквозных «концептуальных» приговских образов, как образы «Пушкина», «Рейгана», «Милицанера», «таракана», Бао Дая» и др. В корпусе текстов Д. Пригова фамилия «Блок» встречается раз:

*Вот в очереди тихонько стою
И думаю себе отчасти:*

*Вот Пушкина бы в очередь сию,
И Лермонтова в очередь сию,
И Блока тоже в очередь сию*

О чём писали бы? – о счастье (из цикла «Домашнее хозяйство») [1: 10].

Тем не менее, всё творчество Д. Пригова (включая данное стихотворение) пропитано «блоковским духом». Цели статьи – доказать это. Задачи – рассмотреть базовые (знаковые) образы в творчестве А. Блока и Д. Пригова, сопоставив их.

Значимость.

Определение преемственности между культурно-историческими периодами русского модерна («Серебряного века») и русского постмодерна и, в частности, творчества «младших символистов» и творчества концептуалистов 80-х-90-х гг., несёт в себе высокую значимость для общей задачи выявления единого русла русской литературы XX века. В культуре и в литературе всё взаимосвязано; определение хронологических культурных связей – задача исследователей. На наш взгляд, тема преемственности «Серебряного века» и русского концептуализма изучена недостаточно. Данное исследование предполагает заполнение этой лакуны.

Материалы и методы.

Основными (базовыми) материалами являются поэтические тексты Александра Блока и Дмитрия

Пригова. Дополнительные материалы – тексты современников А. Блока, научные работы отечественных и зарубежных учёных, посвященные теме демонологии в культуре, высказывания авторов, связанные с русским концептуализмом и конкретно с дискурсом Д. А. Пригова.

Главными методами являются интертекстуальный (сопоставительный) и интратекстуальный (внутритекстовой) методы кросс-культурного анализа литературных текстов. Статья выполнена «на стыке наук»: для осуществления её цели привлечены наработки из сферы общей культурологии и теологии.

Обсуждение.

На обсуждение выносятся следующие тезисы:

1. Образы демонической семантики свойственны как поэтическому творчеству Александра Блока, так и концептуальному проекту Дмитрия Пригова.

2. Это связано с тем, что существует идейно-семиологическая преемственность между высоким русским модерном начала XX века («Серебряным веком») и русским постмодерном 80-х-90-х гг. XX века.

3. «Демонические» и «ангелические» образы свойственны парадигмам модернистской и постмодернистской культуры (в отличие от парадигмы реалистической культуры).

4. «Демоническая» семантика в творчестве А. Блока и Д. Пригова вытекает из единой общемировоззренческой причины – из разочарования поэтов в культуре как интегрирующем социум начале, хотя дальнейшие пути поэтов разнятся.

Основная часть.

«Все мы слишком любим многих демонов» [2]. Эти слова А. Блока могут послужить своеобразным эпиграфом к статье. Закономерно, что самым репрезентативным для

русской литературной демонологии являются имена Лермонтова, Гоголя и Блока. Впрочем, исследователи данной темы не ограничиваются именами писателей и обращаются к творчеству национальных художников, композиторов, философов и кинорежиссеров (Врубель, Антон Рубинштейн, Владимир Соловьёв, Эйзенштейн).

В русской литературе нового времени демонология представлена не только имплицитно, но и вполне эксплицитно. Постмодернистская поэзия, современные поэты-концептуалисты, обязанные своей техникой Дмитрию Александровичу Пригову, продуктивно разрабатывают данную проблему. Мир же самого Пригова густо населен демонами, почти все его герои одержимы ими.

Говоря о месте демонологии в поэтическом пространстве А. Блока, необходимо учесть своеобразное возрождение на рубеже XIX – первой половины XX века русской литературной демонологии. Увлеченность этой темой констатировал, в частности, Павел Флоренский, писавший об уверенности большинства современников в окончательном прощении Богом всех. Убеждение, что рано или поздно Сатана покается и встанет на путь добра, высказывали Сергей Булгаков и Н.О. Лосский. Это одна из основных причин, почему ад в русской национальной традиции часто приобретает функции чистилища. Распределяются демоны примерно по такому принципу и у Пригова, они не всегда выступают как антиподы божественного, спасительного начала [3: 44].

Так у Блока в стихотворении «Двойник» (27 декабря 1901г.), образ, охваченный «дьявольским», «демоническим» смехом («Безумный смех и сумасшедший крик») [2: 152] ищет избавления у Христа:

*Боюсь души моей двуликой
И осторожно хорошо
Свой образ дьявольский и дикий
В сию священную броню.
В своей молитве суетной*

Ищу защиты у Христа [2: 187].

«Двойники» как демоны – привычная тема для А. Блока. В его поэтическом мире мы имеем дело с русской романтической рецепцией. Она несёт немецко-русское происхождение. К слову, не только А. Блок, но и Д. Пригов имели немецкие этнические корни, так что, может быть, их некоторая созвучность не случайна.

Но и собственно русской культуре (включая народную и средневеково-неавторскую культуру) свойственна своя «демонология». Уже в поздней древнерусской словесности можно встретить её – например, в «Слове о хмеле» (XV век), а затем ещё в нескольких текстах, в частности, в «Повести о Горе – Злосчастьи».

Человека, живущего в «страшном мире», повсюду подстерегают лики дьявола и его смертельные соблазны:

И так ненужны маяки,

И так давно постыли люди,

Уныло ждущие Христа...

Лишь дьявола они находят [2: 82].

Антиномичность мира предполагает сосуществование ангелов и демонов, в поэзии Пригова они своего рода сократовские «гении общения», но и Блок мыслил в том же ключе:

Свирель запела на мосту,

И яблони в цвету

И ангел поднял в высоту

Звезду зеленую одну,

И стало дивно на мосту

Смотреть в такую глубину,

В такую высоту [2: 158].

Это стихотворение Блока, открывающее цикл «Арфы и скрипки», не во всем исчерпывающее. В музыкально-звуковом мире поэта ангелы и звезды не только «внимают» волшебным звукам, но и распространяют их. Ранее мы отмечали, что «конечно, идея абсолютного примата музыки над всеми видами искусства пришла к Блоку от немецких и русских романтиков, охотно искавших соединения выразительных возможностей языка и литературы» [4: 158]. Для поэта музыка ангелична по своей природе. Интенсивное звуковое

пространство, различные голосовые волны заполняют и поле современной поэзии: они раздаются повсюду и служат средством этого самого общения. К своему циклу «Демоны и ангелы» текста» (1989) Д. Пригов написал предуведомление, в котором создает метафорическую картину борьбы «под жесткой корочкой стиха» демонов и ангелов. Как и следует ожидать, «ангелы поют», а «демоны рычат». В книге А. Ремизова «Огонь вещей», одного из самых «близких» собеседников А. Блока, есть эссе о художественных ассоциациях, связанных, например, с «криком кикиморы» [5: 134-138]. Известно, что Д. Пригов использовал этот крик как радикальную форму деконструкции текста, как некую связь с хтоническими, монструозными сущностями. Исследователи отмечают, что поэт охотно воспроизводил его вживую, демонстрировал как опыт голосоведения, возможность донести нечто.

Приговские монстры могут быть как «хорошими», так и «плохими», превращаясь в мелкую нечисть – это похоже на «чертенят да карликов» Блока, мир которых бывает и добрым («Болотный попик», «Старушка и чертенята»), и злым, а чаще всего амбивалентным.

Сегодня, когда в течение более чем двух десятилетий уже сформировалась обстоятельная теоретическая база монстрологии, кажется, что она сформирована преимущественно на базе приговской поэзии. В частности, в 2012 г. знаменитый британский фантаст и теоретик фантастики Чайна Мьевилль обнародовал собственные «Тезисы о монстрах». В последнем из них (одиннадцатом) содержится «фраза»: «Мы узрели настоящих чудовищ – самих себя» [3: 353]. Может быть, это внутреннее понимание присутствия монстра в себе самом была одной из причин приговского приема «имени-отчества» и рождения «Дмитрия Александровича», стремления отделиться от «лирического я». Художники

и писатели, по мнению поэта, «не-люди», одержимые своим текстом. Сквозная тема его творчества – восприятие художественного творчества как демонического начала.

Термин «монстрология» приобрел довольно широкое, практически не ограниченное значение, не имеет ни пространственных, ни темпоральных границ. С помощью него описывают исторические, географические понятия в литературе, политике и социальности. Делалась неоднократная попытка классификации монстров Пригова и галереи монструозных портретов знаменитого «Бестиария». Поэт работал над ней несколько десятилетий и, по словам автора, она включает несколько сотен портретов более или менее известных персонажей культуры и политики. В комментариях поэт утверждает, что монстры в его галерее «самозародились». Знаменательно, что всплеск монструозности связывают с общим истощением человеческих ресурсов в современной жизни, с акцентуацией «человеческих характеристик». Монстрологические аллюзии возникают и в образе государственных структур, и в образе атак вируса как мести природы человеку. В 1996 году вышел сборник под редакцией Джеффри Коэна: «Теория монстров: прочтение культуры». Чрезвычайно популярны сегодня его утверждения о том, что живучесть монстров вызвана их культурной мимикрией, невозможностью их категоризации и классификации. И, наконец, тезис Коэна о «возвращении монстра», постоянном стремлении и самого читателя возвращаться к нему. Так и просится для цитаты четверостишие из «бестиарного» цикла Пригова «Классификация зверей» (второй сборник, 1998):

*Монстр – это зверь, живущий в
зазоре всего логического*

*Ему свойственно отбегание в
сторону*

*Человек мог бы позаимствовать
принципы непривязанности [6: 259].*

«Животное», по мнению поэта, – это способ понять, что есть человек, а также осознать человеческие страхи. Несмотря на то, что приговский мир населен людьми, которые всегда готовы преобразиться в монстров, последним никогда не дано стать человеком. Например, кикимора, которую влечет к человеку (но стать человеком ей никогда не удастся). Такова центральная мысль Алексея Ремизова из цитируемой выше книги. Это утверждение можно отнести к сосуществованию человека и монстра, к идее «вечного возвращения»

Поэзия Д. Пригова, как правило, носит откровенно сатирический характер, полна недвусмысленных отсылок к социальным и политическим реалиям недавнего прошлого, характерным для его эпохи. Так появляется, например, архетипический образ Милицанера, который, по выражению философа Михаила Рыклина, стал в новом искусстве способом деконструировать социалистический миф [7]. В частности, об этом свидетельствуют стихотворения Д. Пригова из сборника «Терроризм с человеческим лицом...», такие как «Милицанер вот террориста встретил...», «Чем больше родину мы любим...», «С Пушкиным тут дело сложно...» и т.д. Фигура Милицанера становится центральной и во многих перформансах начала 2000 гг. («Народ и власть» (2004), «Россия» (2004). Эта фигура является метафорой устоявшихся конвенциональных норм. Она созвучна сатирическим персонажам блоковской драматургии, утверждающим «законный миропорядок», таким как производитель банальностей Автор («Балаганчик»), «представитель здравого смысла» Шут («Король на площади») и его тезка из диалога «О любви, поэзии и государственной службе», зловецкий Спутник Фаины («Песня судьбы»), «квадратный», «тер-атерный» граф Арчимбаут («Роза и крест»). Подобно тому, как все эти персонажи утверждали собой незыблемость установившегося земного

(дольного) «страшного мира», приговский Милицанер – неусыпный страж советского «космоса» и одновременно – символ «Жизни»:

*Он представляет собой жизнь,
Явившуюся в форме Долга.
Жизнь кратка, а искусство
долго.*

*И в схватке побеждает Жизнь
(«В буфете Дома Литераторов...»)
[8: 40].*

Противоположным образом Милицанера в поэзии Д. Пригова становится образ Таракана. Он воплощает собой не мифо-идеал, а бытовую реальность, одновременно неприятную, надоедливую, хрупко-уязвимую, в чём-то вызывающую сочувствие у лирического героя («Вот дождь идёт, мы с тараканом...», «Вот на кухню выхожу...») но, в то же время, и коварную своей «подменностью»:

*Вот бежит он таракан
Прячется за баночку
Словно шустрый мальчуган
Или может девочка.*

*Образ трепетных детей
Он принял кощунственно
А на деле он злодей
Грубый и бесчувственный [7: 41].*

Мотив кощунственной подмены идеала является ключевым в лирике А. Блока, начиная со «Стихов о Прекрасной Даме»:

Как ясен горизонт! И лучезарность близко.

Но страшно мне: изменишь облик Ты («Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...») [2].

Мимикрия одного из насельников приговского бестиария – таракана – под «трепетных детей» является снижающей пародией на «изменение облика» блоковской Прекрасной Дамы. Необходимо заметить, что Д. Пригов не высмеивает высокий образ лирики символиста – нет, у системы мировоззрений и образов А. Блока и Д. Пригова более сложная связь.

Игровой, пародийный и иронический характер постмодернистской

поэзии был причиной упреков Пригову в цинизме. Вероятно, это так и есть, ибо в его поэзии открыто прокламируется глубинная непочтительность по отношению к социальным и культурным мифологемам:

*Нет, думается, весь я не умру,
И будет красоваться на миру
Мой дух необмирающе великий
И задрожит всяк сущий
активист
И беспартийный всяк и дикий
Антирелигиозный пропаган-
дист [6: 44].*

Хрестоматийно известные стихи Пушкина сопрягаются с клише советской пропаганды и лексики и создают абсолютно нетривиальную пародию. Ясно, что перед нами политичность, отсылка к определенной традиции, требующей подходящего ключа к тексту. Приемы достаточно привычные для русской поэзии, в частности, обмен поэтическими диалогами с Пушкиным, их характер и трактовка в творчестве Блока – излюбленная тема литературоведов. Безусловно он не носил открыто пародийный или игровой характер, свойственный постмодернистской поэзии в целом и Д. Пригову в частности. Да и Блок неоднократно становился героем поэтического мира постмодернистов, особенно в творчестве В. Сосноры, вступившего в диалог не только с романтиками и футуристами, но и символистами (особенно с Блоком) [9].

Однако и «воздушный Блок» не был чужд своеобразной романтической иронии, вызванной несоответствием между двумя мирами – миром идеала и миром грубой реальности. Многолетний собеседник А. Блока Андрей Белый в книге мемуаров «Начало века» признавал, что Блок был заражён иронией: «...и вставала ирония, - яд им осознанный – только в статье об иронии... запах яда, его погубившего, я раз унюхал в нём» [10: 318-319]. «Что он сам был ироник – нет спору» - так говорит Андрей Белый об А. Блоке и подтверждает это высказыванием

Блока: «в доме... сооружаются мною книжные полки под потолком... чтобы достать книги мог тот, кто дорос до понимания их» [10: 361-362].

Тот же самый тип романтической иронии, выстроенный на противоречии между двумя началами символистского двоemiрия – «горным» и «дольным», свойствен и Д. Пригову. В особенно отчётливом виде он просматривается в следующей саркастической миниатюре:

*Урожай повысился
Больше будет хлеба
Больше будет времени
Рассуждать про небо*

*Больше будет времени
Рассуждать по небо
Урожай понизится
Меньше станет хлеба [11].*

Этот этюд мог бы вызвать чувство у Александра Блока, часто обращавшегося к теме взаимоотношений между «астрономией» и «гастрономией», между поэзией и «обывательской лужей» обычного человека.

В другом цикле миниатюр Д. Пригова – «В краю жемчужном Бао Дая. Предупредительные слухи» [12: 45-55] – присутствует объединяющий цикл образ «Бао Дая» – некоего божества, одновременно персонифицированного и деперсонифицированного (подобного «Дао» философии Лао-Цзы). К слову, в некоторых текстах этого цикла встречается и образ таракана («Вот таракан взмолился к Бао Даю...», «По стенкам тонкого сосуда...»). В двух фрагментах данного цикла имеют место прямые отсылки к творчеству и мировоззренческой системе Александра Блока.

*О таинстве жизни гадая
Сидели мы в страшный мороз
И ветер холодный принёс
Нам голос живой Бао Дая*

*Он пел, что не надо томиться
О прелести жизни страдать
И был, он, едри его мать
Родной, словно в воздухе птица*

Замерзающая [12: 49].

В этом тексте содержится не только почти буквальная цитата из раннего А. Блока:

*Ветер принёс издалёка
Песни весенней намёк,
Где-то светло и глубоко*

Неба открылся клочок («Ветер принёс издалёка...») [2].

Но и отсылка к общей метафизической парадигме блоковских произведений, таких как поэма «Соловьиный сад» и драма «Роза и крест». В другом тексте цикла многосторонней (не только снижающей) рефлексии подвергается образ Христа из финала поэмы А. Блока «Двенадцать». «Исус Христос» «в белом венчике из роз» то «машет красным флагом», то идёт впереди патруля красногвардейцев «с кровавым флагом». В приговском тексте это совершает «небесный Бао Дай»:

*Всё-таки прекрасно жить
Вот народ при всём народе
Чтобы жизнь не оскорбить
Демонстрацией проходит*

*Потому что Первомай
Что там дальше-то – неясно
С алым знаменем прекрасным
Впереди их Бао Дай
Небесный* [12: 52].

Нетрудно заметить, что во всех вышеприведённых примерах диалога Д. Пригова с наследием А. Блока на первый план выходит трагикоромантическая тема конфликтного взаимодействия между «мечтой» и «грубой реальностью». При этом концепт «мечты» для Д. Пригова связан со всевозможными настройками над-человеческой «культуры».

Заключение.

Известно, что Д. Пригов крайне скептически относился не только к советской идеологической структуре, но и ко всякой идеологии и – если брать шире – ко всякой культуре как к «маске», скрывающей подлинную человеческую суть.

Концептуальный лирический герой его стихов – «Дмитрий Александрович Пригов» – выстраивал себе примитивную культурную мифологию из случайных обломков советского идейного дискурса. В ней находили место сущности «ангелической» природы, стражи мифо-миропорядка (Милицанер, Пушкин) и проявления «демонического» свойства, стремящиеся разрушить мифо-миропорядок (Рейган) или досадить ему мелочами быта (таракан). Актом такого бесполезного и смешного процесса для Д. Пригова являлась не только новейшая советская, но и любая, в принципе, культура. После избавления человека от культурных наслоений в его сухом остатке оказывалось то, что могло быть определено понятиями «животное», «зверь», «монстр», «кикимора».

Но и появление демонической образности в лирике Александра Блока имеет смежный генезис. Её появление (и пик) связано с первой половиной 1905 года, временем, когда поэт переживал сильнейший кризис лично-семейного и социально-идентификационного характера [4]. Именно в этот период (в январь-июль 1905 г.) написаны такие стихотворения, как «Болотные чертенятки», «Твари весенние», «Болотный попик», «На весеннем пути в теремок...», «Старушка и чертенята». Демоническая тема в это время связана с темой болота («Полюби эту вечность болот...», «Болото – глубокая впадина...» и др.) и с темой разочарования в идеале («Балаганчик», «Поэт» и др.). В конце июля 1905 г. этот блок пессимистических тематик перебивается темой «осеннего приятия жизни» («Осенняя воля», «Пляски осенние» и др.), а с октября 1905 г. она соединяется с темой Христа («Вот Он – Христос – в цепях и розах...»). В следующем, 1906 г., блоковская «демонология» возникает спорадически как остаточное явление («Сказка о петухе и старушке», «Проклятый колокол»). Её место занимают «жизнепринимавшие»

мотивы («Сольвейг», «Ангел-Хранитель», «Русь», «Рождество»). И даже тема «балаганного обмана» в стихотворении «Балаган» принимает оттенок мужественного преодоления невзгод («Но надо плакать, петь, идти...»). В следующем же, 1907 году душа поэта будет воскрешена любовью к Н. Волоховой, что даст начало лирике с совсем иной системой образов (начиная с цикла «Снежная маска»).

Можно предположить, что «демоны», «чертенята» и «болотные твари» явились в лирику А. Блока как

сухой остаток от чарующих снов, навеянных «Прекрасной Дамой». Это «нулевой этаж», фундамент человеческой личности, очищенной от наслоений сладкой лжи «мечты/культуры». Разница между творческими путями Александра Блока и Дмитрия Пригова заключается в том, что А. Блок пытался восстановить обрушившееся мироздание, а Д. Пригов сознательно (концептуально) остался в точке «болотной» поэзии А. Блока 1905 года. Впрочем, у каждого поэта бывает свой, ведомый только ему путь.

Примечания:

1. Пригов Д.А. Написанное с 1975 по 1989. Москва: Новое литературное обозрение, 1997. 280 с.
2. Блок А. Собрание сочинений: в 8 т. Москва; Ленинград, 1960.
3. Головачева И. Джеффри Кое и все-все-все: Обзор современной монстрологии // НЛО. 2019. № 1 (155). С. 353-362.
4. Шишхова Н.М., Анкудинов К.Н. Особенности проявления романтического мировоззрения в лирике Александра Блока (1904-1912 гг.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2020. № 1 (252). С. 153-160.
5. Ремизов А. Огонь вещей. Москва, 1989. С. 134-138.
6. Пригов Д.А. Стихи из сборника «Официально неутвержденные основания жизни» (Предуведомление, 1978) // Эпсилон-салон. 1986. № 12. С. 44.
7. Рыклин М.К. Деконструкция и деструкция. Москва: Логос, 2002. 155 с.
8. Личное дело №... Литературно-художественный альманах. Москва: Союзтеатр СТД СССР, гл. ред. театральной лит., 1991. 172 с.
9. Стратановский С. Черные игры (письмо к другу о новом литературном журнале) // Обводной канал. 1985. № 8. С. 198.
10. Белый А. Начало века. Москва: Союзтеатр СТД СССР, гл. ред. театральной лит., 1990. 528 с.
11. Пригов В.А. Коллекция стихов. URL: http://www.math.nsc.ru/~www_natasha/lyrics/prigov.html.
12. Понедельник. Семь поэтов самиздата: сборник. Москва: Прометей, 1990. 154 с.

References:

1. Prigov D.A. Works, written from 1975 to 1989. Moscow: New Literary Review, 1997. 280 pp.
2. Block A. Collected works: in 8 volumes. Moscow; Leningrad, 1960.
3. Golovachyova I. Jeffrey Cohen and all, all, all: Review of contemporary studies of monsters // UFO. 2019. No. 1 (155). P. 353-362.
4. Shishkhova N.M., Ankudinov K.N. Features of the manifestation of the romantic worldview in the lyrics of Alexander Blok (1904-1912) // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Philology and the Arts. 2020. No. 1 (252). P. 153-160.
5. Remizov A. Fire of things. Moscow, 1989. P. 134-138.
6. Prigov D.A. Poems from the collection "Officially unapproved foundations of life" (Pre-notification, 1978) // Epsilon-salon. 1986. No. 12. P. 44.

7. Ryklin M.K. Deconstruction and destruction. Moscow: Logos, 2002. 155 pp.
8. Personal file Number ... Literary and artistic almanac. Moscow: Soyuzteatr STD USSR, main ed. of theater literature, 1991. 172 pp.
9. Stratanovsky S. Black games (a letter to a friend about a new literary magazine) // Obvodnoy Canal. 1985. No. 8. P. 198.
10. Bely A. Beginning of the century. Moscow: Soyuzteatr STD USSR, main ed. of theatrical lit., 1990. 528 pp.
11. Prigov V.A. Collection of poems. URL: http://www.math.nsc.ru/~www_natasha/lyrics/prigov.html.
12. Monday. Seven poets of samizdat: collection. Moscow: Prometheus, 1990. 154 pp.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 09.08.2021; одобрена после рецензирования 23.08.2021; принята к публикации 10.09.2021.

The authors declare no conflicts of interests.

The paper was submitted 09.08.2021; approved after reviewing 23.08.2021; accepted for publication 10.09.2021.

© Н. М. Шишхова, К. Н. Анкудинов, 2021